

Е.Л. Марков

**Путешествие по Святой
земле**

**Иерусалим и Палестина,
Самария, Галилея и берега
Малой Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е.Л. Марков
Е11 Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии / Е.Л. Марков – М.: Книга по Требованию, 2014. – 520 с.

ISBN 978-5-4241-9088-9

Путешествие по Святой земле. Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии.

ISBN 978-5-4241-9088-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.—Допотопный городъ.

Пристань Св. Земли.—Соломонъ и пророкъ Иона.—Шхеры.—Приютъ православныхъ паломниковъ.—Память среднихъ вѣковъ.—Базары Яффы.—Арабская толпа.—Наполеонъ въ Яффѣ.—Ругня арабскихъ матронъ.

На разсвѣтъ 30 апрѣля показался вдали берегъ Яффы...

Главная цѣль нашего странствованія теперь достигнута, окончено долгое скитаніе по морямъ, и ничто больше не заслоняетъ отъ насъ такъ давно манившихъ насъ поэтическихъ горизонтовъ Святой Земли.

Мы радовались какъ дѣти, любуясь съ высокой рубки на бѣлый амфитеатръ Яффы, съ волшебною быстротою выраставшій въ нашихъ глазахъ отъ незримо быстрога плавнаго приближенія къ нему парохода. Вопреки всѣмъ предсказаніямъ и всѣмъ опасеніямъ, море стало тихо, какъ уснувшее озеро. неподвижная голубизна этого моря и такая же глубокая голубизна неба выдѣляли бѣлыя башни Яффскихъ плоско-крышихъ домовъ и обрывы береговыхъ утесовъ съ поразительною яркостью...

Яффа недаромъ называлась «прекрасною» еще въ ветхозавѣтной древности.

Это достойная пристань Святой Земли, заслуженный стражъ историческихъ вѣровъ, черезъ которыя прошли тысячелѣтія.

На земномъ шарѣ нѣтъ другого города, котораго легенды народовъ почтили бы такою старинною родословною.

Евреи издревле считали Яффу городомъ Іафета, сына Ноева, и полагали, что Ноевъ ковчегъ отплылъ изъ его пристани въ развершіяся хляби земли...

Даже Плиній, патриархъ естествознанія, признаетъ допотопный титулъ за Яффою, этою его *Ioppe Phoenicum, antiquior terrarum inondatione* ¹⁾. Оттого въ старыя вѣка искали въ Яффѣ гробницы Ноя. Фантазія древнихъ Грековъ, конечно, тоже не миновала этого древнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ міра. Къ скаламъ Финикійской Яфо или Іоппе, какъ рассказываетъ Плиній, была прикована по злобѣ Нерейды осужденная морскому чудовищу Андромеда, спасенная потомъ Персеемъ; и слѣды ея цѣпей показывались на утесѣ Яффы еще въ первыя времена христіанства.

Во всякомъ случаѣ во дни Соломона Яффа была единственною пристанью Филистимскаго побережья, черезъ которую народъ Божій могъ сообщаться по морю съ чужими странами. Когда премудрый строитель послалъ просить на постройку Храма Іерусалимскаго кедровъ Ливанскихъ у Тирскаго царя Хирама, друга отца его Давида, то Хирамъ отвѣчалъ:

«Мы нарубимъ деревъ съ Ливана, сколько нужно тебѣ; и пригонимъ ихъ въ плотахъ по морю въ Яфу, а ты отвезешь ихъ въ Іерусалимъ».

Впослѣдствіи пророкъ Іона садится въ Яффѣ на тотъ корабль, съ котораго его бросили въ море. «И всталъ Іона, чтобы бѣжать въ Фарсисъ отъ лица Господня, и пришелъ въ Іопію, и нашелъ корабль, отправлявшійся въ Фарсисъ, отдалъ плату за провозъ и вошелъ въ него»...

Слава Богу Авраама и Іакова, что намъ теперь не приходится подвергать себя злополучному жребію пророка, не приходится вопить съ нимъ къ Господу: «Объяли меня воды до

¹⁾ „Яффа Финикіанъ, древнѣйшая всемірнаго потопа“.

души моей, бездна заключила меня; морскою травюю обвита голова моя, всѣ воды Твои и волны Твои проходили надо мною».

Вмѣсто чрева китова извергла насъ на сушу ловкая восьми-весельная лодка, въ которой встрѣтилъ насъ бравый консульскій кавасъ съ серебрянымъ орломъ на груди, любезно посланный къ намъ на помощь изъ русскаго консульства.

Благодаря этому участию, мы избѣгли жаркой схватки съ лодочниками-Арабами, взявшими на abordажъ нашъ смиренный пароходъ совершенно такъ, какъ недавно еще пираты Средиземнаго моря брали съ бою купеческіе корабли, и отдѣлались всего пятью франками за проѣздъ въ то время, какъ три молодыхъ Итальянца, наши товарищи по путешествію, должны были заплатить 25 франковъ.

Обычныхъ сценъ Яффской высадки, о которой намъ такъ много натоковали наши милые моряки, этого швырянія за бортъ на руки полуголыхъ Арабовъ охающихъ и ахающихъ богомолокъ, раскачиваемыхъ какъ колокола, этого нырянія въ волнахъ по горло нагруженныхъ лодокъ,—ничего этого на сей разъ не было... Огромный пароходъ стоялъ неподвижно, и арабскія лодки пристали вплотную къ его черному пузу, какъ присосавшіяся пиявки... За то тихое море позволило намъ оцѣнить по достоинству ужасный входъ въ знаменитую гавань царя Соломона.

Предательскіе подводные камни, черные отъ сырости, обросшіе какъ бороною лохматою зеленью, чуть-чуть спрятавшіе свои плоскіе черепа подъ уровень воды, тянутся цѣлыми сплошными рифами вдоль скалистаго берега, отрѣзая его отъ простора моря, точно приточившіеся червивые зубы драхлага подводнаго чудовища, что глотаетъ уже какой вѣкъ утлыя посудины дерзкаго человѣчества.

Пробраться сквозь эти шхеры въ бурю нѣтъ никакой возможности, и нерѣдко пароходы, послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго выжиданія, снимаются съ якорей и отправляются выгружать пассажировъ куда-нибудь въ Акру или Бейрутъ. Хуже

порта выдумать нельзя, и тѣмъ изумительнѣе, если это дѣйствительно древнѣйшій портъ міра. Нѣмцы говорятъ: «ѣхать въ Яффу» въ такомъ смыслѣ, въ какомъ у насъ говорятъ: «отправляться на тотъ свѣтъ». Одни эти каменные рифы знаютъ, сколько человѣческихъ жертвъ ежегодно, въ теченіе столѣтій, приносится Яффскому морю, и библейская легенда весьма знаменательно связала эту пристань вѣчнаго волненія и вѣчныхъ бурь съ поглощеніемъ моремъ Іоны пророка.

Непонятно только, какъ цивилизованные народы Европы, посылающіе каждую зиму тысячи богомольцевъ рисковать своими головами у этой дѣйствительно «допотопной» гавани, не догадаются взорвать всю эту узенькую цѣпь камней, и затратою несколькихъ пудовъ пороха, нѣсколькихъ фунтовъ динамита, спасти жизнь сотнямъ своихъ братій.

Исправляющій должность русскаго консула встрѣтилъ насъ на пристани и оказалъ намъ всякое содѣйствіе. Мы остановились отдохнуть въ русскомъ домѣ, но еще на дорогѣ консулъ нашель намъ колониста-Нѣмца съ обычнымъ четырехъ-мѣстнымъ фургономъ на рессорахъ.—35 франковъ за двоихъ до Іерусалима... Къ намъ присосѣдился и Французъ-архитекторъ, съ которымъ мы сдѣлали путь по Суэцкому каналу. Выѣзжать можно было только къ вечеру, когда солнечный зной начинается немного ослабѣвать. Поэтому намъ оставалось довольно времени и поѣсть, и посмотрѣть городъ. Домъ-башня, куда вскарабкались мы съ нашими носильщиками и пожитками, какъ всѣ дома Яффы, заключаетъ внутри себя крошечный мощный дворикъ съ чахлымъ деревцомъ въ углу. Этотъ дворикъ-яма охватывается кругомъ довольно неуклюжей и крутой каменной лѣстницей, которая поднимается до площадокъ cadaго изъ трехъ, четырехъ этажей.

На площадки эти выходятъ двери бѣдно обставленныхъ полутемныхъ комнатъ, низенькихъ, хотя и обширныхъ, совершенно приноровленныхъ къ знойному дню весны и лѣта, но

должно быть, достаточно сырыхъ и холодныхъ въ періодъ дождей.

Заказали сейчасъ же готовить обѣдъ и чай съ самоваромъ хозяину, не говорившему ни слова по-русски, а сами, наскоро оправившись, торопились «*обозрѣвать*» городъ, рѣшившись волей-неволей не обращать никакого вниманія на солнечный зной.

Чего другого, а ужъ солнца не обминешь и не обманеешь въ горячей Палестинѣ.

Консульскій кавасъ былъ нашимъ путеводителемъ, и мы добросовѣстно пересчитали вслѣдъ за нимъ камни Яфѣскихъ мостовыхъ, обливаясь съ ногъ до головы такимъ потомъ, о которомъ имѣютъ понятіе только старинные любители паренья на полкахъ російской бани. Не помогали ни шляпы, ни кисейныя покрывала. Яфѣа—это одинъ огромный неприступный замокъ съ множествомъ бойницъ, лазѣекъ, переходцевъ, тайниковъ, перелучковъ, городъ-крѣпость, какой и требовался въ вѣка борьбы и насилій на этой береговой скалѣ, защищавшей входы въ цвѣтуція долины Палестины. Въ сущности, тутъ давно нѣтъ ни крѣпости, ни бойницъ, но древній боевой городокъ и въ мирномъ званіи своемъ сохранилъ воинственную фізіономію своей старой средневѣковой исторіи.

Въ средніе вѣка это былъ дѣйствительно одинъ изъ главныхъ ключей для владычества надъ берегомъ и внутренностью страны.

За него жарко бились крестоносцы Ричарда Львиного Сердца съ Сарацынами Саладина; къ нему приставали смѣлыя галеры Генуэзцевъ и Пизанцевъ, и надъ башнями его не одно десятилѣтіе вѣяли знамена геройскихъ рыцарей христіанства.

Въ послѣдній Крестовый походъ, когда французскій король Людовикъ IX высадился въ Яфѣѣ, она была еще въ рукахъ французскаго владѣтеля Готье де Бриенна и имѣла видъ довольно внушительный.

«Et quand le comte de Iapha vit que le roy venait, повѣст-

вуетъ въ своей хроникѣ Жуанвиль, il assorti et mist son chastel de Iapha en tela point qu' il ressembloit bien une bonne deffensable. Car à chacun creneau de son chastel il y avait bien cinq cents hommes, à tout chascun une targe et ung penoncel à ses armes. Laculle chose était fort belle à voir».

Теперешняя Яффа построена, однако, всего только лѣтъ 150 тому назадъ; путешественники, посѣщавшіе ее въ концѣ XVII вѣка, видѣли однѣ развалины. Жители прятались въ пещерахъ, и единственный уцѣлѣвшій замокъ стоялъ среди всеобщаго разрушенія. Но и до сихъ поръ ползучіе и вьющіеся переулки Яффы полны, если не разрушенія, то мусору и нечистотъ всякаго рода. Бродишь словно по корридорамъ какого-нибудь давно запущеннаго безконечнаго замка, ныряя подъ темные своды, прячась въ разные закоулки, карабкаясь по ступенькамъ. Думаешь—ходъ на колокольню, а это улица; кажется, что подъ ногами открылся спускъ въ погребъ,—а это входъ въ отель. Цѣлый лабиринтъ поворотовъ, переходовъ, лѣсенокъ. Защищаться тутъ легко одному противъ десяти, и нужно сказать правду, что для этихъ двухъ первенствующихъ цѣлей стараго строительства, для защиты отъ врага и для прохлады отъ солнца — береговые городки, подобные Яффѣ, идеальные городки.

И во всѣхъ этихъ тѣсныхъ ущеліяхъ между стѣнами толпа, движеніе, толкотня. Толкотня начинается еще съ пристани, гдѣ горами навалены другъ на друга ящики съ опоздавшими апельсинами, назначенными въ Россію, овчины для Константинополя, мыло для Александріи въ гигантскихъ глыбахъ, красный и бѣлый рисъ въ тюкахъ. Огромныя барки, придвинутыя къ берегу, завалены грудями апельсиновъ прямо въ насыпку, какъ волжскія барки съ дровами.

На жаркомъ солнцѣ южнаго полудня они горятъ какимъ-то невѣроятно прелестнымъ румяно-золотымъ огнемъ.

Отъ апельсиновъ тутъ дѣться некуда. Всѣ базары, всѣ лавки въ апельсинахъ; они тутъ не особенно нѣжны и толстокожи, но за то громадной величины и неправдоподобной дешевизны. На 15 копѣекъ кавась навязалъ намъ цѣлый увѣлъ этихъ гесперидскихъ плодовъ. Арабы ѣдятъ тутъ апельсины и лимоны прямо со шкурками, отрѣзывая ножичкомъ ломтики и легонько ихъ посаливая. И ни одна губастая рожа не моргнетъ, не покривится, спокойно жуя кислоту полузрѣлаго лимона и душистую горечь апельсиновой корки.

На базарахъ—жизнь кипяткомъ кипить. Всѣ кофейни, кулоньки, лавки набиты народомъ. У насъ, въ Россіи, чуть пробивается теперь первая весенняя травка, а здѣсь ужъ давно всякія свѣжія овощи: горохъ въ стручьяхъ, фасоль, огурцы, сѣмечки. Надъ базарами вездѣ растянуты широчайшія, хотя и очень грязныя, тенты, подъ которыми благодушествуютъ философски молчаливые продавцы этого нехитраго товара. Ослы, верблюды, мулы толкуются тутъ же, и Сирійскіе бедуины, совсѣмъ отличные отъ Египетскихъ, оживляютъ всю эту шумную и яркую картину подлинной Азіатской жизни, какъ олицетворенная иллюстрація къ Библии.

Широкій живописный бурнусъ изъ грубой домашней шерсти, въ который они умѣютъ драпироваться съ такимъ мужественнымъ и величественнымъ изяществомъ, всегда въ широчайшихъ черныхъ или зелено-коричневыхъ полосахъ по бѣлому фону.

Но подъ этими изрядно теплыми плащами, несмотря на сильный жаръ дня, еще полосатый шелковый халатъ по пятки, открытый на груди, подъ халатомъ еще синяя курточка-безрукавка, подъ курточкой еще длинная бѣлая рубаха, съ широчайшими поясами, съ штанами, падающими какъ женская юбка по самымъ ступни. Такъ тщательно оберегаютъ себя отъ холода эти сыны знойныхъ песчаныхъ пустынь и обожженныхъ

солнцемъ горъ Сиріи. На нѣкоторыхъ степныхъ посѣтителяхъ базара еще попадались намъ даже бараньи куртки. Днемъ разстегнется весь настежь, до-гола, обливається пото́мъ, а на ночь ужъ его не пробереть никакая сырая и холодная струя горнаго ущелья.

Типиченъ и сурово красивъ головной уборъ Сирійскаго бедуина. Всѣ они плотно обвязаны по своимъ круглымъ, будто точенымъ, головамъ, черными, рѣже темносиними платками, которые здѣсь называются кѣфія и которые перехватываются сейчасъ выше уха, будто какимъ-то мрачнымъ вѣнцомъ, двойнымъ обручемъ черной веревки. Края этой просторной кѣфіи закрываютъ шею и шатромъ приосѣняютъ глаза и лицо Бедуина.

Безъ сплошнаго густого покрова никакая голова, даже всевыносящая голова туземца, не въ силахъ вытерпѣть жгучихъ лучей Сирійскаго и Аравійскаго солнца.

Впрочемъ, кромѣ суровыхъ воинственныхъ плащей Аравійскаго кочевника, базары Яффы полны чисто турецкихъ нарядовъ—короткіе хитоны и куртки, затѣйливо расшитые позументами и золотымъ снуркомъ по желтому и красному, хитро увязанные, воздымающіеся башней тюрбаны изъ яркихъ матерій, съ висячими концами съ блестящей бахромой, сейчасъ выдаетъ щеголеватыхъ гостей роскошнаго малоазіатскаго побережья.

Женщины и тутъ, какъ въ Египтѣ, въ бѣлыхъ саванахъ, коленкоровыхъ или кисейныхъ съ золотомъ. Черныя, подлинно арабскія лица, съ поразительной рѣзкостію, совсѣмъ непривычной для европейскаго глаза, выдѣляются будто губастыя обезьяны изъ-подъ этихъ бѣлоснѣжныхъ покрововъ. Иныя, впрочемъ, должно быть угрюмыя пуристки мусульманства, совсѣмъ съ глазами завѣшаны черными слѣпыми чадрами. Есть и по-египетски,—съ висюльками у носа, съ завѣшанными ртами,

но вдобавокъ съ монистами и бисеромъ на лицѣ. Христіанки не закрываютъ лица; ихъ обычный уборъ—это цвѣтныя шапочки, унизанныя въ нѣсколько рядовъ серебряными монетами, очень похожія на шапочки горскихъ женщинъ нашего Дагестана.

Есть вообще чѣмъ полюбоваться, надъ чѣмъ поработать живописцу, хоть живи онъ тутъ въ Яфѣ цѣлые мѣсяцы.

Восточный базаръ — это неисчерпаемый кладъ для карандаша и кисти, и никакой базаръ Европы не можетъ даже близко подойти къ нему въ этомъ отношеніи. Базары—истыя дѣтища востока, и понять ихъ настоящій смыслъ, настоящую красоту можно только тамъ.

Мы посѣтили мимоходомъ католическій монастырь Яфѣ, въ которомъ даютъ пріютъ богомольцамъ-католикамъ. Онъ такой же крутой, такой же недоступный, такой же башнеподобный, какъ и всякое жилище Яфѣ.

Увѣряютъ, что недалеко отъ него, во дворѣ Армянскаго монастыря, происходило то позорное для христіанской цивилизаціи событіе, которое съ такимъ пристрастнымъ усердіемъ стараются опровергнуть обожатели Наполеона, Тьеръ, въ своей «Исторіи Консульства». Здѣсь, говорятъ, были отравлены, по приказанію перваго консула, заболѣвшіе чумой французскіе солдаты, которыхъ онъ не могъ захватить съ собою въ Египетъ.

«Было бы гораздо гуманнѣе дать имъ хорошую дозу опиума, чѣмъ оставлять ихъ жить!» сказалъ Бонапартъ доктору Деженету.

«Мое ремесло—лѣчить людей, но не убивать ихъ!» отвѣтилъ бравый докторъ.

Тьеръ увѣряетъ, что вслѣдствіе этого отвѣта, опиума больнымъ не дали, а клевету объ отравѣ распространили потомъ враги Бонапарта. Но Яфѣ легла чернымъ и кровавымъ пятномъ на славу французскаго героя еще и по другому, гораздо болѣе возмутительному, случаю.

Въ 1799 году побѣдитель при пирамидахъ овладѣлъ, послѣ жестокой двухъгодной защиты, Яфѣскою крѣпостью. Городъ отданъ былъ на 30 часовъ въ жертву разъяреннымъ солдатамъ. Между тѣмъ, тысячи четыре Арнаутовъ и Албанцевъ, засѣвши въ укрѣпленныхъ зданіяхъ города, не хотѣли сдаваться и отчаянно отстрѣливались. Богарне и Круатъе, адъютанты консула, чтобы прекратить напрасное кровопролитіе, предложили храбрецамъ сдаться, поклявшись пощадить ихъ жизнь.

Тогда Турки положили оружіе и отдались на милосердіе враговъ, но побѣдоносный герой не даромъ смотрѣлъ на людей, какъ на пѣшки шахматной доски. Толпа плѣнниковъ связывала его по рукамъ и ногамъ. Не съ кѣмъ было ни отправить, ни оставить ихъ, а еще меньше возможно было отпустить ихъ на подкрѣпленіе безъ того крѣпкой Акры. Черезъ три дня участь несчастныхъ была рѣшена. Ихъ собрали обманомъ на берегу моря, подъ предлогомъ перевозки, и разстрѣляли какъ стадо грачей. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ успѣли броситься вплавь въ море и спаслись на камни, на лодки. Но ихъ опять приманили оттуда обѣщаніемъ пощады и перестрѣляли до послѣдняго среди волнъ моря, когда они довѣрчиво возвращались на берегъ.

«Эта свирѣпая сцена заставляеть меня до сихъ поръ содрогаться при воспоминаніи о ней, какъ и въ тотъ день, когда я ее видѣлъ, и я бы гораздо лучше желалъ навсегда забыть ее, чѣмъ быть обязаннымъ ее описывать»,—выражается объ этой вѣроломной казни одинъ изъ очевидцевъ.

Чума, которая выхватила тотчасъ послѣ этого нѣсколько сотъ человѣкъ изъ арміи Наполеона, казалась тогда всѣмъ только неизбѣжнымъ Божьимъ наказаніемъ за безчеловѣчно пролитую кровь.

Католики не преминули сообщить намъ, что монастырь ихъ, разумѣется, стоитъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ домъ Симона Кожевника, въ которомъ жилъ и творилъ чудеса верховный апостолъ Петръ.

Вѣроятно, у апостольскаго кожевника было въ то время